

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Гандлевский, Сергей Маркович

Г19 В сторону Новой Зеландии : путевые очерки / СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 128 с.

ISBN 978-5-17-117969-4

Поэт и прозаик Сергей Гандлевский собрал под одной обложкой свои путевые очерки. Вот что он сам думает на эту тему: “Вообще-то говоря, допущение, что ремесло писателя имеет хотя бы мало-мальское касательство к расстояниям, которые автор покрывает, почти столь же нелепо, как предположение, что мастерство хирурга или плотника как-то связано с легкостью на подъем и перемещениями специалиста в пространстве... И все-таки многие писатели любили поколесить по свету. Писатель-экскурсовод, в отличие от гида-журналиста, нередко «загорживает» собой достопримечательности, ради которых вроде бы он предпринял путешествие. Удивительное дело, но именно эта странность в хорошем писателе не досажает”.

Иордания, Италия, Куба, США, Марокко глазами Сергея Гандлевского.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117969-4

© С. Гандлевский, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Содержание

Чемоданное настроение (2011)	7
Писатель и километраж (2010)	15
Неделя в Иордании (1997)	21
Америка на уме (2002)	39
Повторение пройденного:	
Пять дней в Гаване (2011)	49
“Есть остров на том океане..” (2013)	61
Экскурсия в Африку (2015)	85
Дальняя обитель (2018)	101

Чемоданное настроение

Неадалго до смерти отец, обычно не склонный к проявлениям сентиментальности, сказал ни с того ни с сего: “Надо же: мне седьмой десяток лет, живу я на земле один-единственный раз, а сáмого, по общему мнению, красивого места — Новой Зеландии — так и не увижу. Глупо...” И от этого пустячного воспоминания сердце почему-то особенно щемит — будто по отношению к стремительно сходящему на нет родительскому поколению не имеется и более серьезных поводов для сочувствия, чем поражение в праве посмотреть мир. (В этом вопросе уроженцам СССР еще повезло. А живи мы в маленькой Албании или на Кубе? В распоряжении советского непоседы была как-никак шестая часть суши — “с южных гор до северных морей”, как справедливо заметил поэт-песенник.)

Но с конца 1980-х от случая к случаю, с ожесточением уминая чемодан в канун отъезда, а наутро и вплоть до посадки в самолет как заведенный проверяя и перепроверяя паспорт, билет, деньги, я среди прочего словно выполняю сыновнее обязательство — наверстываю упущенное отцом. Бог даст, занесет и в Новую Зеландию, а нет — за моим сыном останется фамильный должок.

Уже давно у меня готов ответ на вопрос, справедлива ли ко мне жизнь.

— Никак нет! — отвечаю я по-военному бойко.

И вот почему. Когда, с одной стороны, знаешь себя как облупленного и иллюзий на собственный счет не питаешь, а с другой — весь обвешан подарками, а они все прибывают и прибывают, какая уж тут справедливость?! Взять хоть последний сюрприз: как снег на голову свалившееся предложение обогнуть Европу по морю за 55 дней (с заходом в Амстердам, Лондон, Лиссабон, Барселону, Рим и так далее — вплоть до Кипра)! Под парусами!

Даже возьмись я составить перечень своих самых разнузданных фантазий, подобной не упомяну. Разве что в детстве, отуманенном приключенческими небывицами. Но теперь-то, теперь, когда я худо-бедно остепенился, а по возрасту и умонастроению мне больше к лицу амплуа не вперед-,

а назадсмотрящего! Прав-таки Гете: “Чего мы желаем в юности, то мы в изобилии получаем в старости”. Но ведь писатель и путешественник Роберт Льюис Стивенсон тоже на свой лад прав, говоря, что если смотреть дареному коню в зубы, с него недолго и упасть...

Зуд странствий знаком мне, как и многим. Он гнал меня смолоду на Чукотку, Памир, Кавказ, в Среднюю Азию и проч. А когда был сбит амбарный замок с границы, я тоже своего не упустил. Но предстоящее плавание ненароком учло одну мою серьезную претензию к современному путешествию.

Ведь как обстоит дело. Покорно пройдя — порядок есть порядок — все предварительные процедуры, включая застенчивую ходьбу в одних носках и спадающих без ремня брюках, мы наконец садимся в самолет в пункте А. Стюардесса, картинно стоя в межсалонном проеме, исполняет знакомую до мелочей пантомиму: помавает руками, понарошку надувает желтый спасательный жилет, с профессиональным радушием обучая технике безопасности в ситуации, где самое рациональное — уповать на чудо. В свой черед развозят газеты, напитки. Лететь еще часы и часы, а ты уже весь затек и извелся, будто под утро домашней бессонницы. Младенец впереди как начал орать еще у “трубы”, так и про-

должает по нарастающей. Через проход в тревожной близости — малый с борцовской шеей прикладывается к спиртному, хотя был хорош уже на паспортном контроле. Некоторое разнообразие вносит обед с его конвульсивной эквилибристикой. Жаль, Чарли Чаплин разминулся с эпохой массовых перелетов с кормежкой: одним комическим шедевром могло быть больше. А пытка заполнения миграционных карт? Снял очки “для дали”, надел “для близи”, но куда-то запропала авторучка. Нашлась авторучка — сел на очки. С энного раза справился с заполнением, оказывается, писать надо было не прописными буквами, а печатными, и в тех квадратиках, что сверху, а не снизу. Между тем шварценеггера через проход потянуло на подвиги, ребенок орет все истошней... И, как, видимо, и принято в аду, светает или смеркается наобум, а не вовремя. И на исходе нескончаемой муки мученической — снижение и ощутимый удар о взлетно-посадочную полосу: это мы прибыли в пункт Б. Обитатели застенка жидко рукоплещут.

Если вдуматься, тот еще гешефт. Во сколько раз мы, пассажиры, выиграли в скорости передвижения, во столько же и проиграли во впечатлениях, опыте, шансе набраться ума-разума — в прямом смысле *остались в дураках*, пусть и причастных прогрессу. За те семь-девять часов, что мы

по-клоунски жонглировали пластмассовой посудой, пялились в газеты с их *non-stop* праздником зла, мы запросто разменяли океан, три горные системы, прорву больших и малых городов, не счесть рек и озер — так ничего и не поняв и не почувствовав во всем этом умопомрачительном просторе. Если разом укрупнить план, мы, например, не подивились лисице, заглядывающей с мусорного бака в окно паба возле рынка “Боро”, не ахнули от мучительной прелести девушки (на долю секунды “Боинг” ревел десятью километрами выше ее кудрей), зябнувшей у городских ворот Сан-Мало с самодельным картонным плакатом в защиту какого-то обреченного зверька. Пока под нами длилось великолепие медленного связного ландшафта, сотканного из мелочей и подробностей, мы, как дошкольники, писали печатными, торжествовали, проникнув наконец-то в тесный, как гроб, нужник, и извинялись на своем убогом иностранном перед старушенцией справа, на которую смачно выдавили то ли майонез, то ли горчицу...

Все это брюзжание в общем и целом верно и применительно к путешествию на автомобиле. Чем нас порадует автобан/хайвэй? Скоростью, исключающей возможность задержаться на чем-либо взглядом? Мельгешением (будь то холмы Звенигорода или Новой Англии) близнецов кислотных рас-

цветок: бензозаправок, “Макдоналдсов”, “Пицца-Хат” и т. п.?

Из таких одиссей не возвратишься “пространства и времени полный”: и то, и другое скомканы, как освежающая салфетка к концу полета. Какой-нибудь дачный поход в соседнюю деревню за молоком или картошкой дает уму и сердцу куда больше, чем поглощение не одушевленных созерцанием пространств.

Понятное дело, я говорю банальности. Полтора года назад Толстой писал Тургеневу: “Железная дорога к путешествию то, что бордель к любви — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно”. И скорей всего, классик тоже не был первооткрывателем подобного взгляда на предмет. Понятное дело, любому здравомыслящему человеку хватит пяти минут, чтобы с веселым негодованием окоротить эти разговорчики в строю — и крыть особенно нечем. И все-таки.

А клоню я к тому, что мне выпала редкая удача: выпасть из броуновского движения будней и два месяца передвигаться “с чувством, с толком, с расстановкой”, как это делалось на протяжении тысячелетий, пока технический прогресс, по существу, упразднив разницу между пассажиром и его чемоданом, исподволь не превратил поступательное по-

вестование путешествия в нынешний дайджест — с его отправлением, транспортным беспамятством и прибытием.

Два месяца в открытом море, однако... Что перво-наперво приходит в голову человеку вроде меня, застигнутому врасплох мыслями о море? “Прощай, свободная стихия...”? Жюльверновский топор, подложенный под компас? “Плавание” Бодлера в переводе Цветаевой? “Не любите, девки, море...”, на худой конец?

А личный опыт? Фантомный вкус морской воды (панацея от ангины), не выдохшийся за полвека, когда меня, мальчика, возили по настоянию врача в Туапсе? Или Каспий на Мангышлаке, где шлепал я в закатанных штанах по щиколотку в прибое, один-одинешенек и молоденек, а со стороны моря и заката промахнуло вдруг что-то огромное и белое, как ангел, оказавшееся по моем выходе из столбняка лебедем? Или охи и ахи прибоя, когда шел вполпьяна с каких-то незадачливых амуров уже не упомяну где? Вот, кажется, и все. Негусто.

И каким-то я ворочусь из круиза на “Бегущей по волнам” (так свежо названа шхуна)? Стану ходить вразвалку, сипеть в гостях: “Тысяча чертей! Где у вас галльон”? Рассказывать обомлевшим домашним, *что* я услышал, сидя в бочке из-под яблок?